

Сергей Ивкин

октаэдры

Екатеринбург, 2022

ББК 84(2=411.2)6-5
УДК 821.161.1-14
И 254

Ивкин С.В.

И 254

Октаэдры / Сергей Ивкин ; послесловие Андрея Санникова. – Екатеринбург : СОУНБ им. В.Г. Белинского, 2022. – 24 с., ил.

ISBN 978-5-6045005-7-6

Книга-кристалл, восемь стихотворений, состоящих из восьми строф по восемь строк. Книга-путешествие из мира фантазий и снов в предельную искренность, в частный разговор с читателем о дне грядущем. Книга-экзамен, сданный своим учителям из Уральской поэтической школы, ориентированной на жёсткий сюрреализм и каноничную форму. Книга-убежище, лодка, в которой можно проплыть над страхом или отчаянием.

© С.В. Ивкин, автор, 2022
© А.Ю. Санников, послесловие, 2022
© СОУНБ им. В.Г. Белинского, 2022

ISBN 978-5-6045005-7-6

От автора

В сентябре 2021 года я осознал, что для русской поэзии восьмистишие – отдельный жанр, обладающий особой интонацией, собственной высотой звука. Естественно, первым таким восьмистишием было «Я Вас любил...» Александра Пушкина. Для меня лично «первым» стало в 2006 году стихотворение моего учителя Андрея Санникова из книги «Ангельские письма»:

*Птицебыки слезятся ночью
и в стёкла спальные глядят.
Они летают, но не очень
и то, когда отводишь взгляд.
К ним ходят женщины большие
с тремя глазами и без рук,
простоволосые, босые,
не для любви, а для разлук.*

Я сошёл с ума от этого стихотворения, оно молнией ударило мне в голову, заставило переоценить всё, что я делал до того момента, как его прочитал. Впоследствии я прикладывал его как эталон ко всем проходящим через меня стихам: верно ли? точно ли я говорю? Стал собирать любимые восьмистишия других поэтов: у Алексея Решетова, у Евгения Туренко, у Михаила Квадратова.

Когда восьмистишия самостоятельно в моей голове стали соединяться в стансы, я воспринял это с благодарностью. Слово из одинокой лодки вышагнул на широкий пляж. И увидел вдали город.

Сергей Ивкин

Дикая сцена

1
Здесь по субботам было кабаре,
плохое, но родное – не ценили.
Приятно очи поднимать горе
при всякой поэтической ванили,
юродствовать: «репертуар убог,
томимся, как наложницы в гареме,
и производим радостный лубок,
сказать по-русски, убиваем время».

Отдельные, кто уходили в ночь,
порой встречались на чужих афишах,
но мы держались вместе: хлеб, вино,
гитара, локоть, одеяло, крыша.
Мы воплощали декаденства дух
и тешили себя идеей братства,
красиво умирая на виду
у тех, кто успевал с утра набраться.

2
3
Вот как оно кончается? Моргнул –
железный мост над сонною рекою.
Мгновение назад я слушал гул
и кланчил у Спасителя покоя.
Да, расписался... Торжествуй, лопух:
в свободной жизни не осталось цели.
*Всё лучшее, что прозвучало вслух,
я выплакал тогда на «Дикой сцене».*

4
Не было смысла у наших песен.
Розы и грёзы. Пароль и отзыв.
То, что поётся сегодня, бесит.
Я научусь рифмовать эмодзи
и сочиню пятый том Катулла
на языке марсианской слизи...
Белая блузка на спинке стула.
Ноты бетховенской «К Элоизе».

**Может быть нет никакого завтра?
Может и вправду живём по кругу?**

Половозрелому динозавру
необходимо привлечь подругу,
в бой поднимает товарищ Песня,
боль заглушает ведунья Слово.

Раньше мы здесь собирались вместе.
Больше нам здесь не собраться снова.

Морось. Зима. Я смотрю на окна.
«Не возвращайтесь», – мы пели в школе.

Пара минут – я совсем промокну.

Возле стены подниму осколок –
семечко горькой моей богемы
брошу за стойку в бистро случайном.

**Кем обернёмся, сойдёмся где мы,
аристократы Святой Печали?**

Когда мы будем ржать, как дураки,
орать до хрипоты в соседский космос
на берегу промасленной реки,
изысканы, болтливы и раскосы,
сгрызая золотистый маникюр,
отстаивать дурачество сплошное,
я вспомню всё, пойду на перекур
и захлебнусь блаженной виною.

Спасибо, драгоценный человек,
со мною разделивший этот вечер.

Люблю вдвоём ловить губами снег.

За это счастье расплатиться нечем.

Не так уж страшно в тёплом декабре
почувствовать границы интервала.

Как будто выхожу из кабаре
и напеваю: «*Ла-ла-ла... Ла-ла... Ла*».

Сине-зелёная плесень проникла в мозг.
Восстановила функцию речи, вернула сон.
Вышел на кухню утром, накапал морс,
сел к монитору, установил курсор
и напечатал письмо неизвестной мне
пользовательше глобальной сети:
«Я обустроилась. Дело идёт к зиме.
Это не страшно. Тело найдём. Лети!»

1

Ждала без плаката. В русском аэропорту
все без плакатов. Я сразу узнал её:
лысый мужик и чупа-чупс во рту,
и эндорфином пахнет на весь район.
Я в теле женщины. Чёрной. Преклонных лет.
С томиком Ленина (так подсказал мне гид).
Я ощутил, как нам посмотрели вслед
все, абсолютно все носители. **Странный вид.**

2

Мы раздевались в домике над рекой.
Нас наконец-то пятеро: полный круг.
Очень холодное место, зато покой:
новые вирусы заполонили юг.

**Сине-зелёной плесени всё равно
в ком пребывать, пока не наступит**
встречи пяти прародителей: как в кино,
цепь замыкаем и пропускаем ток.

3

Только один носитель. Большой живот.
Все остальные сгорели. Но пять в одном.
Из океана околородных вод
медленно поднимается новый дом.
Скоро мы выйдем в мир и, настроив ум,
вирус, согнавший плесень с родной земли,
выявим, уничтожим и в социум
вторгнутся сине-зелёные короли.

4

Гек обещал: «Поговорим, когда станешь порноактёром и переедешь в Сочи».

Жизнь моя – оголённые провода.

Мыкался интеллигентом–разнорабочим. Вдруг просыпаюсь на пляже... и в неглиже. Рядом Не–помню–имя в моей рубашке. Нет, ещё не порноактёр, но Сочи уже замаячили... И мне страшно.

5

Эта Не–помню–имя – микробиолог и год уже разрабатывает вакцину. Мы нажрались случайно – свело мозги. Ей на работу завтра. Сегодня – к сыну. В зеркале в ванной сине–зелёный шкаф смотрит в глаза и говорит гундосо: «**Парень, мы тебе дали последний шанс.** Только она. И никаких вопросов».

6

Мы победили ковид, а потом ещё несколько новых штаммов, и в эпилоге сине–зелёная плесень всюду цветёт и никому не видима. Если в блогах кто–то поднимет тему вторжения, сразу в бан или большой дикпик прилетает в личку: **это при вирусах всякая жизнь – борьба, а при грибах и плесени – всё отлично!**

7

Нужен второй сезон, потому с небес к нам прилетают Старцы. В деликатесах значатся наши носители. Как–то без них неуютно становится. Поэтесса пишет воззвания с чёткой инструкцией, как вызвать человечество из–под спуда. Миссис Лавкрафт, потерявшая двойника. Не заражённая плесенью... Тварь. Иуда.

8

Давайте я вам расскажу сюжет.
Он ни на что не проливает свет,
он говорит: в пространстве есть разрывы.¹
Но в детстве всё услышано не так:
и череда панических атак –
вернейший способ снова быть счастливым.
*Я сделал в Мироздании дыру
и вот сейчас туда гляжу–ору.*

В какой–то детской книге прочитал:
репейник был прочнее, чем металл,
и за него галактика цеплялась,
пешком возможно по ЖД–путям
в альтернативный мир дойти и там² □
поставить парус над скрипящим ялом,
найти друзей и сигануть с моста,
стать кем угодно с чистого листа.

Когда со мной случился пубертат,
я осознал под фейерверк петард,³
что секс – отличный усилитель хтони,
и Первая – прозрачна, как душа,
на мир смотрела сквозь хрустальный шар
и в шаре мир держала на ладони,
и в бездну с ней не падал, а взлетал,
но я – дурак – желал иной портал.

За двадцать лет объездил много мест,
альбом моих обманутых невест
читался гримуаром Альхазреда.⁴
В тантрических конвульсиях конти-
нуум не расширялся, а пути
не доводили даже до Нигредо.
*Но я упёрся, что наверняка
я различу дыханье сквозняка.*

Д о р о г а

И я осел в клинической глуши,
привычка ладить с милой шалаша
была доведена до автомата.

Я пребывал в блаженном Ничего:
водичка и строительный вагон,

5 **какая-то абстрактная зарплата,**
спокойный дым, разумные друзья...
Куда пойдёшь, раз никуда нельзя?

Эйч Джи Уэллс, спасибо: наша дверь
распахнута, когда, пойдя проверить,
нам на неё ресурса не хватает,
неравнозначны чаши на весах,
сильней заботит милая попса,
уводит бытовуха золотая.

6 **Оглянешься назад через плечо.**
Там, разве что-то было? Нет, ничё.

В чём сила, брат? В моей неправоте.

7 **Ионою, проснувшись в ките,**
смотрел на тех, кто был намедни дорог.

Я вас люблю, люблю, люблю, люблю...
Но это жизнь с пометкою Dorblu.

Америка зовёт конкистадора.
Нашествие, мятеж, чума, война...

Меня выносит на берег волна.

8 **Иду по пояс, погружаясь в ил.**
Вернуть обратно то, что не ценил –
единственная важная задача.

Передо мною в воздухе нора.
Добрался, идиот, – кричи «Ура!»
И я кричу, точнее просто плачу.

Дыши озоном, Вставший на пути!
Куда сейчас? Мне не к кому идти.

А
Н
И
М
Е

Губы и чёлка. Ровный овал лица.
Карие вишни. Для боевой машины
слишком изнежена – фрейлина вне дворца.
Сумерки. Сосны. Заснеженные вершины.
Сэй-Сёнагон в чайном домике. Бродит кисть
теми же соснами в белой канве скетчбука.
Скоро появятся первые светлячки.

И нежеланные гости войдут без стука. 1. □

Девять–двенадцать лет – это наш предел.
Дальше идёт накопление разных багов.
Я соскочил, на окраину улетел.
Но дело в том, что помимо профиля и «бумагов»,
прямо на органах напечатаны номера:
время и место изготовления, код «ребута».
Мне точно так же не нравится умирать.

И просыпаться «чистой доской», как будто. 2. □

**Всё возвращается: шрамы, походка, скол
зуба расскажут больше, чем лента «Меты».**
Как ты смеёшься, как поднимаешь «Скель!»,
как разворачиваешь конфеты.
В мелкой моторике, в мимике, в судоро-
ге, возникающей при пробежке..
И в результате штабные дают добро,
не различая ферзя в оболочке пешки.

3. □

Образовалась коммуна сбежавших «анд»:
столько неразберихи при сдаче Крыма.
В маленьком заповеднике кормим панд
и только парами ходим на местный рынок.
Это, конечно, круто – «курить бамбук»,
но шиложопие любим и практикуем..
Даже машины верят в свою судьбу.

Что нам Дидро и Оккам... Какого жуя? 4. □

ア
ニ
メ

5.

Хрупкая девочка с длинной трубой в руке
в холле корпоративного небоскрёба.
Взрыв. Автоматная очередь. Сюрикен.
**То, для чего изначально придуман робот,
лучше всего получается у людей:**
столько живых оставила за собой.
Двадцать четвёртый этаж. Молодой злодей.
Тучки небесные в окна идут прибоем.

6.

Смерть не страшна. С ней не раз он встречался, для
верящих в Будду жизнь в сотню раз суровой.
Алая девочка входит при свете дня
в офис Создателя в слёзах войны по брови.
Он улыбается. Он изучил ресурс.
Он выключает куклу. Подходит ближе.
Вопли и вой сирены звучат внизу.
Крайне обидно, что всё-таки кто-то выжил.

7.

Каждая сказка в заборе таит дыру.
Те, кто удрал, вернутся и вновь получат.
Хрупкая девочка приближена ко двору,
сразу вписалась в его этикет паучий.
**Именем Императора прощены
все разработчики.** Сосны на белых створах.
Бледное пламя в спальне его жены.
Пять иероглифов приговора.

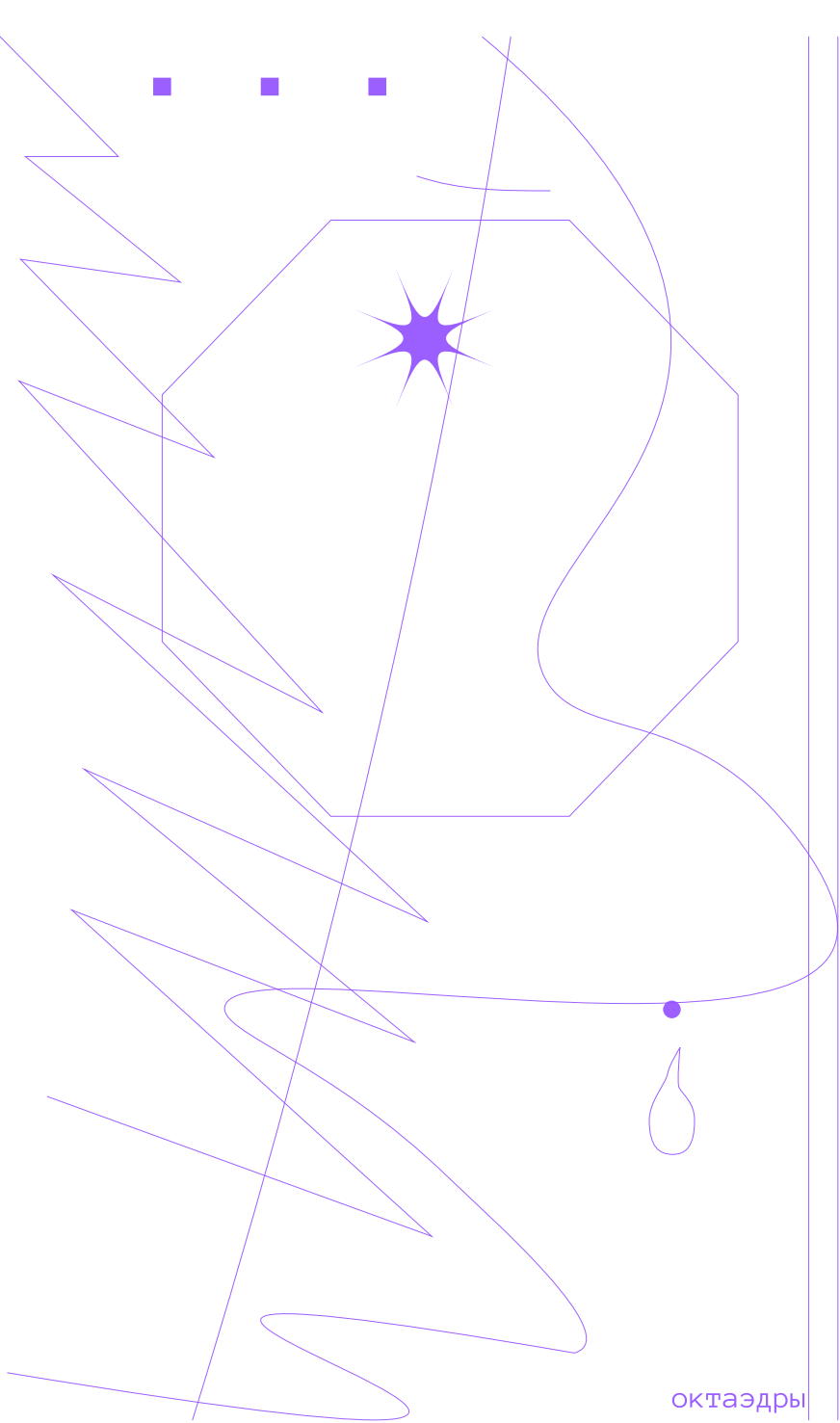
8.

Робот – не женщина. Робот – не женщина. Робот – не...
**Что не сумели армия и шпионы,
осуществили пребывающие во сне,
неразличимые на фоне орнаментов «анемоны»:**
шпильки и ножницы, палочки для еды,
баночки с плесенью и грибами...
Роботы смотрят в небо из-под воды.
Алые карпы трогают их губами.

アニメ

октаэдры

...побереги Валгаллище своё,
не заходи ко мне на Рагнарёк.
Алексей Остудин

Полная амуниция, всей толпой,
думали, выкатим в поле на Смертный час.
Все, кто хоть что-то чувствует, – за тобой,

следом – бесчувственная санчасть.

1

Гневом сочась, потрясая, чтоб не тряслись,
между бахвальством и ужасом самый смак,
через минуту мы все превратились в слизь.

Следом санчасть пустила своих собак.

Музыка выживших на ветру.

Пойте Осанну, гадатели по нутру.

В каждом раскрытом чреве готов прогноз
альтернативы – слабоумие и цирроз.

Войско уходит в небо – зачем вам я?

Черви и вороны стали моя семья.

2

Но, провинившись, очнулся и пру насквозь.

Нет никакой души – только плоть и кость.

А если есть, то чем ценна для тех,
кто мяли нас, как розовую глину,
какому Злу я подставляю спину,
на чьих устах изображаю смех?

Из наших душ устроив фейерверк,
какие двери отворили твари?

3

Протяжный вой и рвотный запах гари.

Пришёл Хозяин. Горизонт померк.

Как для слепого палка глагол «Посметь».

Делает горечь обиды звенящей медь.

Новую жизнь открывает чужая смерть.

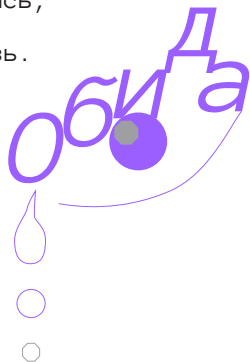
Кто я такой? Я, похоже, дышу с нуля.

Более живы мимоидущие тополя.

Лёг на припёке, ссадины оголя.

Высшею властью повелеваю: **«Вот!**
Есть человек. И не важно, зачем живёт».

4

5 *Себя заставить встать...* Я вспоминал
те времена, когда грибы пинал
и жил мечтой кому-нибудь присунуть.

□ Валяясь в копошащейся траве
с кровавым колтуном на голове,
я жизнь свою увидел как рисунок

ребёнка: ничего не разберёшь,
и в самом центре дырка или ёж.

6 *Пройти через Ничто... А что за ним?*
Дальнейшее ничтожество людское?
Итак, я должен превратиться в гимн
и возжелать Любви, а не Покоя.
Сам стать трубой, не вылетев в трубу.

□ **Кто клапаны на мне перебирает?**
Какое слово выдавил на лбу?
Куда выводит обещаьем Рая?

Вполне возможно, Ты – нечеловечен.
С башкой пробитой много напророчишь...
И наши души – это мех овечий.
Мне кажется, что слышу, как хохочешь.

7 □ **Я вырастил себе вторую душу,**
и третью отращу, чешу и холью.
Я больше не испытываю ужас.
Всего себя я выпустил на волю.

Всех, кто стоял со мной, унесли в Вальхаллу.
Там им – коньяк и сиськи, а мне – нахалу –

8 мир за стеной Асгарда: гуляй, рванина.
□ Мёртвою плотью пропитанная равнина.

Подозревал, Рагнарёк – одинокий праздник.
Время окончилось. Что меня дальше дразнит?

За облаками придурки гремят посудой.
Лучшее небо начну возводить отсюда.

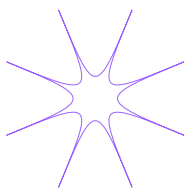
1
На Рождество сидящие вдвоём
мы без гитары Summertime поём,
**и в зеркале комода отраженье
подыгрывает левою рукой**
по воздуху, и сам я там такой,
готовый к постоянным отношениям.
А ты неотразима, избежав
на Здесь и Там пустого дележа.

2
Святая ночь: вертеп, волхвы, пастух,
животные склонились ко Христу,
их шеи превратились в своды храма,
**родители в заботах о рубле,
господский страх, ползущий по земле,**
замёрзших пальм седая панорама,
прохожие, кидające вскользь
взгляд на источник всевозможных польз.

3
Лежим, обнявшись, в полной тишине.
Мне ногтем что-то пишешь на спине –
наивная любовная защита.
**Любовь не защищает, но ведёт.
И всякий жест неразберих её
вперёд угрюмым ангелом рассчитан.**
Кто мы друг другу для стальных небес
не так уж важно, дорогая Бесс.

4
Неверный свет бегущих мимо фар,
несущий службу кухонный тефаль,
**такие несуразные одежды –
дешёвая смешная мишура.**
Есть только Бог родившийся – пора
абсурдной и беспомощной надежды
на то, что ты любим, не одинок,
Бог завершит всё то, что ты не смог.

РОЖДЕСТВО

Пускай я – прах и в прах сойду, **5** сейчас
я тихо счастлив, у меня сончас,
любимая уснула, вся планета
остановила бег тяжёлых плит,
душа не ноет, сердце не болит,
ум не страшится чёрта и Скайнета,
и Михаил с мечом наперевес
мне говорит: «Мы победили, Лес.

Ещё до битвы, **6** до грядущей мглы
мы победили, верую, смогли,
и дальше Бог нас проведёт, взрослея,
через руины будущих мытарств,
и мы смахнём с земли песчинки царств,
не становясь ни чопорней, ни злее,
под пляску несвятого Бахтина
бесмысленна дальнейшая война».

7
Тоска людей кусает по утрам.
Открыв глаза, ты зришь холодный храм,
пока твоим дыханьем не согретый.
Огромен мир, ты мал, обиды воз,
и в голове всего один вопрос:
«Где взять горячий кофе к сигаретам?»
И сам же отвечаешь январю:
«Сейчас я встану и его сварю».

8
Земля в смешной дешёвой мишуре.
Я разливаю кофе на заре.
Я улыбаюсь тусклому рассвету.
Я не один. А там, где двое, – к нам
сниходит ангел на стакан вина
и поджигает Бесси сигарету.
Включает джаз. Уходит в зеркала,
взяв пару мандаринов со стола.

1
Словно зубы вырываю сам себе
пальцами, поскольку больше нечем.
Как всё просто было в сентябре.
Но упрямо плакал человечек:
«Господи, пусть будет всё не так».
И «не так» я достаю осколки
пальцами из собственного рта.
Шаёт шерсть, кровоточат наколки.

2
Господь сверх меры не возложит.
Я, значит, к худшему готов.
Я был слабей, а не моложе,
источник сплетен и понтов.
Дрожат колени, тянет спину,
опустошён резерв души.
Очередную пуповину
отрезали: учись – дыши.

покаяние

3
Я же учился по Дао Дэ Цзин:
слабому – вечность, а сильному – косность.
Оптимистичный, как апельсин,
я выходил в отморозенный космос.
Втулка, стянувшая множество спиц,
крутит бочонок Екатеринбург –
мудрый Симург, состоящий из птиц,
стаей летящих за тенью Симурга.

4
Большая ёлка. Пары вальс
танцуют, словно шестерёнки.
А я уже ушёл от вас
по следу гофманской сестрёнки
к Щелкунчику на камелёк
подальше от мышей трёхглавых.
Мерцай, каминный уголёк,
о снах, о подвигах, о славе...

Что делал я? Рубил дрова,
чинил навес, берёг посевы.

**Кому-то предъявлял права.
Боролся с приступами гнева.**

Ну, а сейчас? Рублю дрова,
чиню навес, лущу горошек.

Не беспокоит голова
в кругу друзей, детей и кошек.

Приходит мышь и долбится в окно,
мол, я живу в зацикленном кино,
а тут шиздец, погром и заваруха,
и всё как я люблю – метанья духа.

Немедленно взял шашку, на коня,

Будённому тоскливо без меня,
кого ему поставить для примера?

А там, глядишь, подъедут тамплиеры.

Всё было тихо – и опять война.

И никому не важно, чья вина!
Какие крысы, брат Щелкунчик, – бесы!

Историк скажет: бесы – это мы,
обглоданные мальчишки зимы,
не шарящие в счастье ни бельмеса,
в ушанках с перевёрнутой звездой,
и каждый первый – гений и изгой.

Прости, библиотекарь Лао-Цзы,
что не ценили нашего упадка.

Нам не хватало пашни и лозы,
мы заполняли почерком тетрадки,
заглядывали в бельма красоты,
мизерные выигрывали битвы,
и наш Господь с незримой высоты
прилежно отвечал на все молитвы.

Друг позвонил, сказал, что больше не присутствует в развязанной войне людей любимых – разорвало сердце, родные – в одночасье разноверцы, а на хоругви мажется херня...

Творите, что хотите, без меня: кусайте шавок, и слонов ебьте, и потребляйте ведрами «Сиббиттер».

Друг позвонил проститься: *Не умру, но дьявольское это уруру я выносить не в силах – исчезаю, ты здесь держись*, ныряю под радар, храни, кого сумеешь, падла, да пиши стихи, да сочиняй дизайн, как говорил БГ, когда кранты, спасают акты глупой красоты.

Прощание

Друг позвонил. Покурим по сети. *Его мне больше будет не найти, нажал на крестик и стираю номер.* Отматываю память, сколько мы тягали дружбу, лаялись–братались. Кто позвонит ещё так, друга кроме? *Вокруг стена пульсирующей тьмы, где каждый чих берётся на анализ.*

Друг позвонил, как Гёльдерлин ушёл в глухую башню траура по миру. Мне на прощанье переслал скриншот: на пограничный столб повесил лиру. Двенадцать струн, звените невпопад, гармония покинула эстетов. *Безумием заряженный айпад и предвкушенья ядерного лета.*

Друг позвонил. А я сижу—молчу.

**Работнику отдела пропаганды
положено в ночи держать свечу.**

Поскольку каждый вечер дел за гланды,
бычок в очко, прикрутишь фитилёк
и пялишься на Пояс Ориона.

**Как интересно жить во время оно,
и только слёзы горла поперёк.**

Друг позвонил. Хотя бы помахал.

А скольких завтра я не досчитаюсь?

Зато мы дружим с правильным Китаем
и всеми, кто не уличил в грехах
Великую Империю. Не стыд,
а ярость перепахивает душу.

Не говоря о том, что Богу в уши
сейчас несётся... Но ребёнок спит.

Друг позвонил. **Последний диалог.**

Мы больше не увидимся и в цифре.

Никто из нас не надевал пацифик,
но из айпада влёт стрелять не смог.

Мы оба понимаем: передел
планеты был рассчитан виртуозно.
Но мне с детьми уже спастись поздно.

А он и так почти что не у дел.

Друг позвонил. Короткие гудки.

—Привет жене и дочери, которым
он на гитарах поправлял колки.

Какую ересь мы блажили хором.

Потом с утра болели котелки,
но никому не нужно было в школу.

Святые будни скотного двора.

Окончилась прекрасная пора.

Послесловие

В юности каждый настоящий поэт записывает одно или два своих стихотворения, которыми Господь даёт ему свидетельство и утешение: да, ты настоящий, Я с тобой.

Замечательно, что эти свидетельства – чаще всего, восьмистрочия, восьмистишия.

Потом, после, поэт вслепую, вполуслепую идёт на голос, то удаляясь, то снова приближаясь к иномирию, где его ждут, где с ним говорят беззвучно, но по-русски.

И вдруг наступает прозрение, голос, говоривший с поэтом, начинает всё чаще совпадать с голосом самого поэта, и, наконец, совпадение становится полным.

Возникает ощущение абсолютной правильности происходящего с тобой, правильности жизни, которую прожил, которую живёшь, которая, оказывается, вовсе не мучила, а оберегала тебя. Записанные стихотворные тексты становятся вновь свидетельством и утешением, становятся восьмистишиями.

«Октаэдры» Сергея Ивкина – книга абсолютного класса, одно из самых важных достижений происходящего с нами. Происходящего из-за нас.

Андрей Санников

Содержание

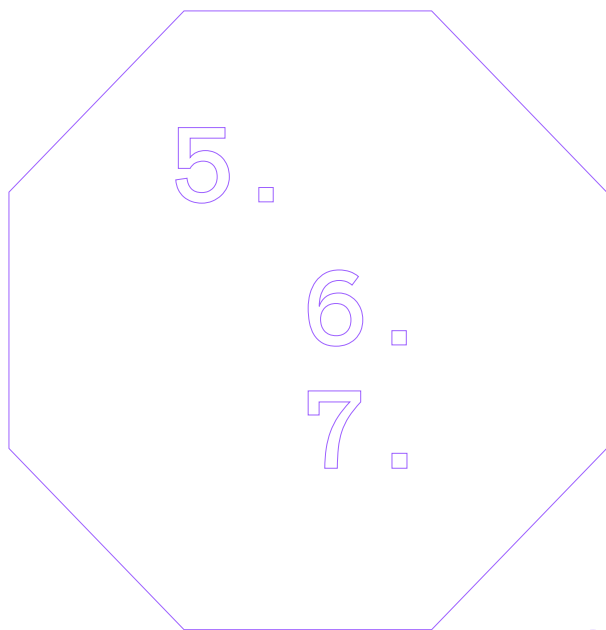
<i>От автора</i>	3
Дикая сцена.....	4
Netflix.....	6
Дорога.....	8
Аниме.....	10
Обида.....	14
Рождество.....	16
Покаяние.....	18
Прощание.....	20
<i>Послесловие</i>	22

1. □

Сергей Ивкин
Октаэдры

2. □ 3. □

4. □

5. □

6. □

7. □

8. □

Редактор: Ю.В. Телякова
Верстка, дизайн: У.В. Воробьева

Подписано в печать 30.03.2022
Шрифт Anonimus Pro
Тираж 100 экз.

Изготовлено в редакционно-издательском отделе
СОУНБ им. В.Г. Белинского
г. Екатеринбург, ул. Белинского, 15